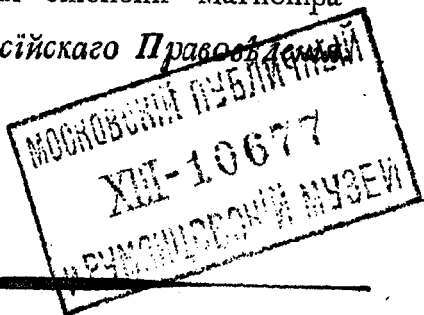

С. Новопашенного.
№ 744.
РАЗСУЖДЕНИЕ

О доказательствахъ Уголовныхъ преступленийъ и о свойствахъ сихъ доказательствъ вообще и въ особенности по Россійскимъ узаконеніямъ,

Н а п и с а н н о е

Кандидатомъ Семеномъ Ерофѣевымъ
для получения степени Магистра
по части Россійскаго Правовѣдѣнія

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
1825 года.

Съ дозволенія Цензурнаго Комитета.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О доказательствахъ Уголовныхъ преступленій и о свойствахъ сихъ доказательствъ вообще и въ особенности по Россійскимъ узаконеніямъ.

Люди, упомянутые, какъ говоритъ Беккарія (а), непрестанною междоусобною бранію, упомянутые самою даже свободою, коею защищаясь были не въ состояніи, рѣшились пожертвовать нѣкопорою малою частію оной, дабы не лишиться всей вообще; рѣшились оппозироваться опъ буйной, но вмѣстѣ и опасной независимости, дабы напрошивъ того, самая подчиненность, самая ограниченность правъ могла служить къ надежному ихъ сохраненію, — рѣшились вступить въ общество. И такъ одно только врожденное въ челоуѣкъ желаніе самосохраненія, безопасности и благоденствія приводитъ его подъ кровь

(а) Beccaria: Traité des delits et des peines. §. I. orig. des peines.

законовъ общественныхъ; — здѣсь надѣлся онъ вкусить пріятности того спокойствія, коего напрасно искалъ прежде въ борьбѣ со всѣми себѣ подобными, со всею, такъ сказать, вселенною. Назидаемый недремлющимъ окомъ правительсва, обезпеченный какъ относительно своей личности, такъ и относительно собственности, онъ чуждъ пѣхъ заботъ и непрестанныхъ опасеній въ настоящемъ, той мрачной неизвѣстности о будущемъ, кои всюду сопровождали бы его бѣдное одиночество.

При мудрыхъ законахъ Гражданскихъ, служащихъ основаніемъ всякой общественной связи, Уголовные законы по видимому во все излишни, но совершенное блаженство не есть удѣлъ смертнаго въ сей жизни: бореніе спрассей съ разсудкомъ, слѣпой грубости съ дальновиднымъ благоразуміемъ будетъ навсегда сильною тому преградою; — часпо онъ, увлекаемый порывами своеволія, жадный къ пресыщенію настоящимъ, забываетъ о будущемъ, дерзновенно нарушаетъ законы, отъ исполненія коихъ должно бы зависѣть все его благоденствіе и потому самъ дѣлается первымъ врагомъ своего счастья. Тотъ же Беккарія изъясняетъ сіе такъ: хотѣя люди и отказались, говорятъ онъ, отъ пущаго, обманчиваго призрака еспешивенной свободы,

хотя и удѣлили нѣкоторую часть оной для составленія верховной власти общества, но природа человека такъ испорчена, что будучи всегда готовъ обратитъ всѣ общественныя отношенія въ прежній ихъ хаосъ, онъ непрестанно старается не только испортивъ изъ общей массы свой собственный участокъ, но и воспользоваться чужими, — и вотъ начало уголовныхъ законовъ, сего оплота противъ спремипельности беззаконія. Для предохраненія гражданской связи опять поспрашеній въ самомъ ея основаніи должно было изобрѣсть средства, которые болѣе дѣйствовали бы на чувства и доспапочно обуздывали спремленія дикой вольности; — средства сіи состоятъ въ наказаніяхъ, кои опредѣляютъ законъ въ возмездіе за обиду, самому ему и обществу или частному какому либо лицу преступленіемъ нанесенную (а). Изъ сего слѣдуетъ 1.) какъ возмездіе, наказаніе должно быть соразмѣрно степени самаго преступленія: великость перваго должна зависѣть отъ великости сего послѣдняго. Что бы видѣть всю важность преступленія,

(а) *Нак. Ком. о соч. Пр. Нов. Улож. 1767 Июл. 30. ст. 84:* все, что въ законахъ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь.

должно обратить бдительное вниманіе на всѣ соприкосновенныя къ нему обстоятельство, которыя хотя иногда сами по себѣ и маловажны, но взятыя въ совокупности съ другими подобными могутъ объяснить всю сущность дѣла, опредѣлить потомъ степень самаго преступленія, и по тому обыкновенно называются *доказательствами*, а разсмотрѣніе всѣхъ таковыхъ доказательствъ, законнымъ порядкомъ совершаемое — *слѣдствіемъ*.

2.) Когда по слѣдствію преступленія сдѣлается совершенно яснымъ, то есть не останется никакого сомнѣнія о бытіи преступленія, о преступникѣ, учинившемъ оное, о степени вреда, причиненнаго преступленіемъ и виновности самаго преступника, то возмездіе за пропавузаконное дѣяніе или наказаніе можетъ опредѣлить одинъ только законъ, а не воля частнаго лица (а). И такъ слѣдствіе по дѣламъ Уголовнымъ, какъ главная часть судопроизводства, служащая основаніемъ прочимъ, есть важнѣйшій и пруднѣйшій. Здѣсь должно употребить всю проникаемость, дабы изъ тысячи вспрѣчающихся иногда обстоятельствъ взять одно, прилжное разсмотрѣніе коего могло бы служить нѣкою, такъ сказать, нитію для прохожденія мрачнаго

(а) Нак. Ком. ст. 148.

лабиринта запутанностей и противорѣчій и съ помощію коего можно бы наконецъ опкрыть совершенную истинну. „Въ изысканіи „доказательствъ преступленія, говоритъ „Екатерина II, (а) надлежитъ имѣть про- „ворство и способность; чѣмъ вывести изъ „сихъ изысканій окончательное положеніе, „надобно имѣть, точность и ясность мыс- „лей; но чѣмъ судить по окончательному „сему положенію, не требуется больше ни- „чего, какъ простое здравое разсужденіе, ко- „торое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, „нежели все знаніе судьи, приобихшаго нахо- „диль вездѣ виноватыхъ.“ И дѣйствительно, если справедливость сопровождала все слѣд- ствіе, если все нужное по оному опкрыто, если законъ ясенъ, простъ и съ точностію за каждый родъ преступленій полагаетъ на- казаніе, то послѣ уже нѣтъ никакой трудно- сти слова закона примѣнить къ воспрѣтив- шемуся случаю (b). По сему Законодатель, желая быть истиннымъ защитникомъ окле- вепанной невинности и мстителемъ оспо- рожнаго злодѣйства, во всей системѣ Уголов-

(a) Нак. Ком. ст. 179.

(b) Нак. Ком. ст. 178: „гдѣ законы ясны и просты, тамъ долгъ Судьи не состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ вывести наружу дѣйствіе.

ныхъ законовъ наибольшее вниманіе долженъ обращать на слѣдствіе пресупленій: онъ долженъ поспавить твердыя правила для изысканія доказательствъ оныхъ; опредѣлить принадлежности сихъ доказательствъ — несомнѣнныхъ, вѣроятныхъ или сомнительныхъ, дабы спраси, опасныя противницы истинны, не могли осквернить святылища Правосудія и управлять жребіемъ подсудимыхъ. Разсмотрѣніе сихъ доказательствъ и свойствъ ихъ вообще и въ особенності по Россійскимъ узаконеніямъ есть предметъ наспоащаго разсужденія.

Великая законодательница Екашерина (а) признаетъ необходимо нужнымъ, чптобы законы опредѣляли какъ начальныя правила, опъ коихъ зависить сила доказательствъ всякаго пресупленія, такъ равномерно и время къ собранію оныхъ, дабы, по словамъ Ея, виноватые умышленными въ своемъ дѣлѣ перемѣнами не опводили вдаль должнаго имъ наказанія или бы не запутывали своего дѣла; ибо хопя судебные обряды влекутъ за собою много трудностей, но самыя сіи трудности не что иное суть, какъ дань, копорую каждый гражданинъ платитъ за свою волюность, и по тому они не должны бытъ никогда такъ

(а) Нак. Ком. ст. 112, 184, 187, 199, 467.

законами опредѣлены, чтобы могли служить къ пагубѣ невинности.

Въ прочемъ дѣянія человѣческія такъ разнообразны, хитрое искусство въ избраніи способовъ преслѣдовать законъ до того иногда простирается, что законодатель едва ли въ состояніи съ точностію предугадать и открыть впредь всѣ тѣ сокровенныя пути, кои злоумышленіе изберетъ для достиженія своей цѣли, и хотя законъ показываетъ нѣкоторые способы обнаружить преступленіе, но не смогая на то предоставляется еще нѣчто собственнѣйшей проницательности и безпристрастію производителя слѣдствія. Въ такомъ случаѣ челоуколюбіе должно быть первою его добродѣтелию, а правосудіе первою обязанностію. Онъ долженъ знать нравственную природу челоука вообще, чтобы справедливо судить о всѣхъ его свободныхъ дѣйствіяхъ, какъ послѣдствіяхъ оной; долженъ быть удаленъ отъ всякаго предубѣжденія и легкомыслія, чтобы иногда по одному шокмо ложному доносу или неосновательному подозрѣнію не опятовать вѣренной ему судьбы невиннаго гражданина; онъ равно долженъ взирать на преступленія лицъ, различныхъ по своему состоянію: одно челоучество, безъ всякаго другаго шипла, должно являться предъ лице правосудія, дабы иногда высоко-

мѣрное богатство не возпоржествовало надъ угнѣщенной бѣдностію; наконецъ онъ долженъ стараться, чтобы сердце его никогда не ожесточилось частыми примѣрами злодѣянія, чтобы видъ узника всегда былъ для него новымъ, прогашельнымъ зрѣлищемъ, а иначе каждого обвиняемого онъ будетъ почитать виновнымъ, и безъ спорога, точного изслѣдованія судьба подсудимаго зависѣть будетъ отъ нѣкоторыхъ общихъ, иногда ложныхъ и опасныхъ правилъ, безпечно принятыхъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, различныхъ по своей сущности. Чтобы избѣгнуть двухъ крайностей, неминуемо изъ того долженствующихъ послѣдовать, то есть не обвинить невиннаго и не оправдать виновнаго, должно имѣть въ виду всѣ тѣ признаки и употребить всѣ закономъ позволенные средства, коими можно неоспоримо утвердить какъ бытіе пресупленія такъ и виновность пресупленника; — средства сіи состоятъ въ доказательствахъ.

Доказательства вообще раздѣляются различно (а), какъ то 1.) *По времени*: на предшествующія, сопровождающія и послѣдующія самому пресупленію. Предшествующія до-

(а) См. Becc. Tr. des del. et des pein. § XIV. Rixi observ. circa jurispr. Crim; Нак. Ком. ст. 175, 176, 177.

казательства заимствующия опть чувственныхъ или физическихъ выгодъ обвиняемаго, опть наклонности воли къ пресупленію и опть многихъ другихъ обстоятельствъ, ка-
жущихся вѣроятными условіями онаго. Доказательства сопровождающія пресупленіе спольже многоразличны, какъ и способы, коими оно можесть бытъ произведено; наконецъ послѣдующія основывающіяся или на физическихъ или на нравственныхъ перемѣ-
нахъ, случившихся съ обвиняемымъ послѣ того, какъ пресупленіе сдѣлалось гласнымъ.

2.) *По свойству преступленія* доказательства можно вывести или изъ слѣдовъ самаго преступления (*delictum facti permanentis*), чпо бываетъ въ случаѣ смертоубійства, увѣчья, воровства со взломомъ, зажигательства и проч., или, за неимѣніемъ сихъ слѣдовъ, изъ постороннихъ обстоятельствъ, имѣющихъ какую либо связь съ преступленіемъ (*delictum facti transeuntis*), какъ то напр. при простомъ воровствѣ, при словесныхъ обидахъ и проч. 3.)

По важности доказательства раздѣляются на совершенныя или полныя и несовершенныя или неполныя. Совершенныя суть тѣ, кои такъ сильны сами собою, чпо исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности обвиняемаго; слѣдственно и одно изъ нихъ можесть бытъ доспаточно для рѣ-

ишительнаго сужденія о пресуппленіи. Напроривъ того несовершеннаго такой силы не имѣютъ, и только въ совокупности и въ извѣстной взаимной между собою связи могутъ служить основаніемъ приговора. Одно изъ нихъ всегда недостопаочно; должно быть нѣсколько, и иногда даже, если они такого свойства, что или одни основываются на другихъ, или всѣ вмѣстѣ на какомъ либо одномъ, то количество ихъ какое бы нибыло, не есть надежная мѣра вѣроятности объ учиненномъ пресуппленіи; ибо всѣ они уничтожаются сами собою, когда въ первомъ случаѣ опровергнемъ одно какое либо, а во второмъ именно то, на которомъ основываются прочія. Если же такой взаимной зависимости между ними нѣтъ, то вѣроятность пресуппленія увеличивается съ количествомъ признаковъ, и чѣмъ болѣе сихъ послѣднихъ, тѣмъ рѣшительнѣе должно заключать о бытіи и сущности перваго. Въ прочемъ для безошибочнаго суда о пресуппленіяхъ, доказательства при слѣдствіи дѣлъ Уголовныхъ должны быть явственны, очевидны, несомнительны и, какъ говорятъ законовѣдцы (а), ясностію своею равняться или даже превосходить свѣтъ солнечный (*probatio per luce clariores*); то есть

(а) L. ult. C. de probat.

должны быть совершенны и полны. Но, можетъ спастись, скажутъ, что отвергая рѣшительную силу несовершенныхъ доказательствъ имъ самымъ противорѣчу я положеніямъ, принятымъ въ наказъ Коммисіи? Нимало; — внимательное разсмотрѣніе откроетъ, что и самъ подъ *весьма великимъ* числомъ несовершенныхъ доказательствъ разумѣется такое количество, которое достаточно могло бы удостовѣрить въ подлинности преступленія и изъ изслѣдованія коихъ могло бы непременно родиться вѣроятіе, по силѣ своей близко подходящее къ совершенной извѣстности. Если такъ, то не будетъ ли тогда уже это доказательство совершенное? и глубокомысленный Беккарія (а) не усомнился признать той истинны, что, говоря въ точности, нравственная извѣстность, имѣющая мѣсто въ судопроизводствѣ, есть только вѣроятіе, — однакожъ такое, которое почти могло бы назваться извѣстностію; — совершенно тоже повторено и въ Наказъ Коммисіи. —

Намѣреваясь говорить о доказательствахъ Уголовныхъ преступленій, опредѣляемыхъ законами положительными, не могу умолчать о той истинѣ, что весьма многія мѣстныя

(а) Becc. Tr. de del. et des pein. §. XIV.

обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на законодательство каждаго народа въ особенностяхъ. Истинна сія дѣлается оцѣнительною и при разсмотрѣніи тѣхъ мѣръ, какія принимаютъ разные правительства для изслѣдованія Уголовныхъ преступленій. Опыты свидѣтельствуютъ, что гдѣ болѣе уважается гражданская свобода, жизнь, честь и право собственности, тамъ судебныя обряды, особенно въ разсужденіи дѣлъ Уголовныхъ, многосложнѣе, тамъ законодатель спрашивается несправедливо нарушивъ святыню правъ подвластнаго ему народа, тамъ законъ, предписывая порядокъ изслѣдованія Уголовнаго дѣла, входитъ въ большія подробности, оспаривая сколько возможно менѣе на судъ самыхъ дѣлопроизводителей. Въ правленіяхъ деспотическихъ, въ коихъ неисповѣдаемая воля владѣтеля замѣняетъ мѣсто всѣхъ прудныхъ изысканій въ дѣлѣ законодательства, въ коихъ слѣпой эгоизмъ управляетъ жребіемъ несчастныхъ жертвъ своихъ, въ коихъ не одинъ живетъ для всѣхъ, но всѣ для одного, въ такихъ правленіяхъ не дорожатъ ни собственностію, ни жизнью гражданъ — невольниковъ; тамъ изслѣдованіе и судъ скороокончательны; ибо не разбираютъ способовъ какъ ихъ кончить, лишь бы были кончены. Какая противоположность съ государствами, въ коихъ свобода гражданъ

есть вѣрнѣйшій залогъ ихъ благоденствія? — Здѣсь и у самого обвиняемаго оспается неприкосновеннымъ все, по правамъ ему принадлежащее до тѣхъ поръ, пока чрезъ долгое и строгое изысканіе истинны не окажется, что онъ самъ пропивузаконнымъ дѣяніемъ навлекъ на себя праведный гнѣвъ всего оскорбленнаго общества. Справедливость сего положенія можно подтвердить множествомъ примѣровъ; — ближайшій есть Россія, наше общество. Но поелику предметы наилучше познаются чрезъ сравненіе ихъ съ другими, то, дабы правильнѣе судить о достоинствѣ Россійскихъ законовъ, предписывающихъ порядокъ уголовныхъ слѣдствій, обозримъ кратко главнѣйшія касательно сего постановленія народа, наиболѣе извѣстнаго по превосходству своего законоположенія.

Исполинское законодательство Рима, — живой памятникъ исчезнувшихъ обладателей свѣта, сіе законодательство столько славное въ потомствѣ, часто служило мѣрою совершенства законовъ современныхъ. И въ отношеніи дѣлъ уголовныхъ есть здѣсь нѣкопоя посановленія особенныя, показывающія отличныи духъ Римлянъ. — Въ младенчествѣ народовъ одна физическая сила рѣшила обыкновенно всѣ распри; для доказательства чьей либо виновности достаточно уже, если